

1 Августа.

№ 15

X годъ

№ 15

1899 года.

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СѢНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

На вакансію Настоятеля къ Карсскому военно-крѣпостному собору, за смертію протоіерея Даміана *Борща*, назначенъ благочинный 4-й пѣхотной дивизіи протоіерей церкви 14-го пѣхотнаго Олонецкаго полка Николай *Радугинъ*; на его мѣсто, съ званіемъ благочиннаго упомянутой дивизіи, переведенъ священникъ церкви 144-го пѣхотнаго Каширскаго полка Василій *Турбинъ*, вакансія котораго предоставлена священнику церкви 4-го Кубанскаго Пластунскаго баталіона Арсенію *Молоткову*; къ церкви 4-го Кубанскаго Пластунскаго баталіона священникомъ опредѣленъ учитель начальнаго училища Коростышевской учительской семинаріи Алексѣй *Вигиневскій* (21-го апрѣля).

Протоіерей церкви 2-го Финляндскаго стрѣлковаго полка Григорій *Бь-лопольскій* уволенъ отъ службы по военно-духовному вѣдомству въ отставку; на его мѣсто переведенъ священникъ Торнеоской военно-походной церкви Андрей *Сахаровъ*; къ Торнеоской военно-походной церкви священникомъ опредѣленъ надзиратель за учениками Петрозаводскаго духовнаго училища Михаилъ *Орфинскій* (21-го апрѣля).

Священники военно-мѣстныхъ церквей: Гомборской—Николай *Криницкій* и Шушинской—Михаилъ *Лихачевъ* для пользы службы перемѣщены одинъ на мѣсто другаго (26-го апрѣля).

На вакансію псаломщика къ церкви Одесскаго военнаго госпиталя, за переходомъ псаломщика Іакова *Попова* на службу въ епархіальное вѣдомство, переведенъ псаломщикъ церкви Екатериноградскаго дисциплинарнаго баталіона Арсеній *Лебедевъ*, мѣсто котораго предоставлено псаломщику Олонецкой епархіи Петру *Тихомирову* (26-го апрѣля).

За послѣдовавшимъ перечисленіемъ церкви Оренбургскаго казачьяго юнкерскаго училища изъ епархіальнаго въ военное вѣдомство, протоіерей означенной церкви Іоаннъ *Словохотовъ* и нештатный діаконъ Василій *Ильинъ* оставлены на службѣ при той же церкви.

На вакансію псаломщика къ церкви Кавалергардскаго Ея Величества полка, за переходомъ нештатнаго діакона Θεодора *Леонтьева* на службу въ С.-Петербургское епархіальное вѣдомство, назначенъ діаконъ той же епархіи Николай *Тервинскій* (8-го мая).

Священники: Ковенскаго крѣпостнаго Петропавловскаго собора Θεодоръ *Волковъ* и церкви 63-го пѣхотнаго Углицкаго полка Николай *Рубцовъ*, для пользы службы, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго (15-го мая).

Псаломщики военно-крѣпостныхъ соборовъ: Двинскаго—Михаилъ *Пылаевъ* и Карскаго—Всеволодъ *Тогатовъ* для пользы службы перемѣщены одинъ на мѣсто другаго (2-го іюня).

Для пользы службы, псаломщикъ Варшавской Цитадельной церкви Михаилъ *Волковъ* переведенъ къ Керченской крѣпостной церкви; на его мѣсто назначенъ псаломщикъ Николаевскаго Адмиралтейскаго собора Іосифъ *Новоуспенскій*; къ Адмиралтейскому собору въ г. Николаевѣ на вакансію псаломщика переведенъ нештатный діаконъ Ковенскаго крѣпостнаго Петропавловскаго собора Александръ *Гусевъ*, мѣсто котораго предоставлено псаломщику Керченской крѣпостной церкви Павлу *Левитскому* (4-го іюня).

Исключены изъ списковъ:

Умершій настоятель Карскаго военно-крѣпостнаго собора протоіерей Даміанъ *Воршъ* († 26-го Марта).

Уволенный изъ отставку протоіерей церкви 2-го Финляндскаго стрѣльцоваго полка Григорій *Бѣлопольскій* (21-го апрѣля) и *перешедшіе на службу изъ епархіальное вѣдомство:* псаломщикъ церкви Одесскаго военнаго госпиталя Іаковъ *Поповъ* (26 апрѣля) и нештатный діаконъ церкви Кавалергадскаго Ея Величества полка Феодоръ *Леонтьевъ* (8-го мая).

НАГРАДЫ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

Награждены крестомъ:

Священники церквей: 4-го Закаспійскаго стрѣльцоваго баталіона Алексѣй *Богословскій*, 192-го пѣхотнаго резервнаго Ваврекаго полка Николай *Сѣверовъ*, Троицкой Колпинской, что при Адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводахъ, Іоаннъ *Успенскій*, училища лѣкарскихъ помощницъ и фельдшерницъ въ С.-Петербургѣ Павелъ *Левашовъ*, 88 пѣхотнаго Петровскаго полка Константинъ *Серпуховъ*, 173-го пѣхотнаго Каменецкаго полка Петръ *Верховскій*, Сальянскаго резервнаго пѣхотнаго полка Іоаннъ *Ліадзе*, 8-го Гренадерскаго Московскаго полка Михаилъ *Цвѣтковъ*, Гунибскаго резервнаго баталіона Феодоръ *Георгиевскій*, 45-го драгунскаго Сѣверскаго полка Сергій *Путилинъ* и 7-го драгунскаго Новороссійскаго полка Алексѣй *Манкевичъ*; оо. Богословскій 18-го ноября 1898 г., Ліадзе 20-го марта 1899 г. и Путилинъ 17-го мая—съ благословенія Высокопреосвященнаго Флавіана Экзарха Грузіи; о. Сѣверовъ 17-го марта—съ благословенія Высокопреосвященнаго Іеронима, Архіепископа Холмско-Варшавскаго; оо. Успенскій 22-го марта 1899 г., Левашовъ 29-го марта—съ благословенія Высокопреосвященнаго Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго; о. Серпуховъ 1-го апрѣля—съ благословенія Высокопреосвященнаго Феогноста Архіепископа Новгородскаго; о. Верховскій 23-го марта—съ благословенія Высокопреосвященнаго Іоаннікія, Митрополита Кіевскаго; о. Цвѣт-

ковъ 12-го апрѣля—съ благословенія Высокопреосвященнаго Димитрія, Архіепископа Тверскаго; о. Георгіевскій 5-го Мая—съ благословенія Преосвященнаго Владимира, Епископа Владикавказскаго, и о. Манкевичъ 31-го мая—съ благословенія Высокопреосвященнаго Ювеналія Архіепископа Литовскаго и Виленскаго.

Награждены набедренникомъ:

Священники церквей: 4-й стрѣлковой бригады Стефанъ *Сченсновичъ*, 17-го драгунскаго Волынскаго полка Александръ *Успенскій*, 3-го Уральскаго казачьяго полка Василій *Слюнинъ*, 113-го пѣхотнаго Старорусскаго полка Платонъ *Скворцовъ*, 151-го пѣхотнаго Пятигорскаго полка Владиміръ *Четыркинъ*, 6-го Кубанскаго пластунскаго баталіона Николай *Модинъ*, 162-го пѣхотнаго Ахалцихскаго полка Михаилъ *Львовъ*, 30-го пѣхотнаго Полтавскаго полка Александръ *Въщезерскій* и 27-го пѣхотнаго Витебскаго полка Василій *Ивановъ*; оо. Успенскій 22-го марта 1899 г., Слюнинъ 25-го Февраля, оо. Въщезерскій и Ивановъ 22-го марта—съ благословенія Высокопреосвященнаго Иеронима, Архіепископа Холмско-Варшавскаго; оо. Скворцовъ, и Четыркинъ 19-го марта—съ благословенія Высокопреосвященнаго Ювеналія, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго; о. Модинъ 17-го марта—съ благословенія Преосвященнаго Владимира, Епископа Владикавказскаго; о. Львовъ 20-го марта—съ благословенія Преосвященнаго Михаила, Епископа Могилевскаго, и о. Сченсновичъ 23-го декабря 1898 года—съ благословенія Высокопреосвященнаго Іустина Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго.

Столоначальникъ Кедринскій.

Рѣдкое усердіе русскаго солдата къ своему родному полковому храму.

Фельдфебель 5-й роты Якутскаго пѣхотнаго полка Михаилъ Новиковъ пожертвовалъ на постройку новаго полкового храма пятьдесятъ (50) рублей.

Да благословитъ Господь щедраго жертвователя!

Чествованіе о. протоіерея П. В. Троицкаго.

Девятаго іюня сего года въ городѣ Петергофѣ въ лейбъ-гвардіи Уланскомъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полку было чествованіе настоятеля полковой церкви о. протоіерея Петра Василіевича Троицкаго. Въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія служенія его въ священническомъ санѣ ему подносились драгоцѣнный наперсный крестъ, къ сему дню пожалованный ему Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной, и другой наперсный съ украшеніями крестъ отъ полка и прихожанъ церкви. Это было неофициальное, но просто, такъ сказать, семейно-полковое и приходское торжество. Но оно дорого и назидательно, какъ доказательство того, что нелѣнностно трудящійся пастырь, даже въ короткое время, снискиваетъ себѣ благорасположеніе своихъ пасомыхъ, кои всегда чтутъ и достойно награждаютъ своего батюшку-труженика.

Шестъ лѣтъ о. Петръ Троицкій служитъ въ упомянутомъ л.-гв. Уланскомъ полку. Своею добротою, обходительностію, стараніемъ всякому услужить, исполненіемъ обязанностей по отношенію къ храму и паствѣ по совѣсти, онъ и за это сравнительно короткое время снискалъ себѣ благорасположеніе и вниманіе, какъ чиновъ полка, такъ и прихожанъ церкви.

Они празднуютъ день исполнившагося двадцатипятилѣтія его священнической службы и въ этотъ радостный ему день подносятъ ему дорогой золотой съ украшеніями наперсный крестъ. За доброту его платятъ ему своею добротою, за услуги и труды — достойною и благоприличною пастырю наградою. Трогательно и поучительно!

Почти съ первыхъ же дней своей службы въ л.-гв. Уланскомъ полку о. Петръ состоитъ предсѣдателемъ совѣта Петергофскаго Общества попеченія о бѣдныхъ города Петергофа. Какъ увидимъ ниже, и здѣсь онъ принесть не мало пользы, безкорыстно и много трудясь на благо общества. Августѣйшая Покровительница Общества Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна «во вниманіе къ отлично-ревностному исполненію предсѣдателемъ совѣта Петромъ Троицкимъ обязанностей, съ симъ званіемъ связанныхъ, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать въ знакъ Августѣйшаго Ея Императорскаго Величества благоволенія и въ воздаяніе высокополезной дѣятельности его по названному обществу наперсный крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями»¹⁾.

¹⁾ Слова грамоты.

Поистинѣ за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ!

О. Петръ образцово и аккуратно ведетъ дѣла по Петергофскому отдѣленію свѣчнаго склада военнаго вѣдомства. Смѣемъ думать, что высокочтимый и добрый Отецъ Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства, близко къ сердцу принимающій всѣ дѣла свѣчнаго завода, который по справедливости можно назвать дѣтищемъ его, — во вниманіе между прочимъ и къ этой дѣятельности и заслугѣ о. Петра почтилъ и усугубилъ торжество своимъ участіемъ въ немъ.

Въ 10 часовъ 45 минутъ утра Отецъ Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства прибылъ въ церковь л.-гв. Уланскаго полка и совершилъ потомъ Божественную литургію соборомъ въ сослуженіи ему четырехъ военныхъ священниковъ, среди коихъ былъ и самъ виновникъ торжества. Въ храмѣ были офицеры и чины полка, во главѣ съ командиромъ полка Его Императорскимъ Высочествомъ Принцемъ Людвигомъ Наполеономъ, — бывший командиръ полка генераль-маіоръ Барановъ, комендантъ Петергофа генераль-маіоръ Червонный, начальникъ города Петергофа генераль-маіоръ Плѣшко, почитатели о. Петра изъ прихожанъ — жителей Петергофа, всѣ дѣти пріюта при Петергофскомъ Обществѣ. Все это въ связи съ торжественно-благолѣпнымъ служеніемъ Отца Протопресвитера, при хорошемъ торжественномъ пѣніи полковыхъ пѣвчихъ, невольно умиляло присутствующихъ и радовало за чествуемаго о. протоіерея.

Собственно самое чествованіе о. протоіерея началось по окончаніи литургіи, предъ началомъ молебна, на который вышло до десяти священниковъ. Среди нихъ былъ настоятель Новодѣвичьяго монастыря о. протоіерей Василій Вознесенскій.

Первымъ обратился къ о. Петру Троицкому съ своимъ теплымъ словомъ Отецъ Протопресвитеръ.

Въ простой, краткой, но сердечной рѣчи, Отецъ Протопресвитеръ привѣтствовалъ о. Петра съ днемъ чествованія его и исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ его служенія въ санѣ священника и за все время — полкового священника, — съ благоволеніемъ къ нему Государыни Императрицы Александры² Феодоровны, соизволившей наградить его драгоценнымъ крестомъ, что пріятно и ему, какъ начальнику, всегда съ радостію принимающему всѣ награды³ и всякое доброе вниманіе къ его подчиненнымъ духовнымъ.

Вслѣдъ⁴ за симъ товарищъ предсѣдателя совѣта Петергофскаго Общества А. П. Аршеневскій⁵ обратился съ рѣчью къ о. Петру и въ ней, привѣтствуя его отъ лица всего Общества съ 25-лѣтіемъ священнической

службы, охарактеризовалъ всю дѣятельность его, какъ предсѣдателя Совѣта Общества.

«По прибытіи вашему въ Петергофъ» — сказалъ онъ — «вы вскорѣ были избраны предсѣдателемъ совѣта нашего Общества и со свойственною вамъ энергіею и аккуратностію принялись за исполненіе принятыхъ вами на себя обязанностей. Вы привели въ порядокъ дѣла и бумаги совѣта, вами составленъ краткій обзоръ и отчетъ о дѣятельности Общества за 25 лѣтъ его существованія. Трудомъ вашимъ заведена регистрація бѣдныхъ г. Петергофа, что значительно облегчаетъ работу Совѣта при распредѣленіи единовременныхъ и постоянныхъ пособій. Исключительно по вашей инициативѣ два года тому назадъ Обществомъ открыта школа, въ которой ежегодно бесплатно обучается до 30-ти дѣтей. Нынѣ совѣтомъ Общества получена бумага, по которой Ея Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна, Августѣйшая Покровительница Общества, соизволила, во изъявленіе Своего Монаршаго благоволенія, пожаловать вамъ драгоцѣнный наперсный крестъ.

Отецъ Петръ! Въ долготѣнную службу вашу вы неоднократно удостоивались Высочайшихъ наградъ за отлично-усердное исполненіе вами служебныхъ обязанностей. Монаршая же милость, оказанная вамъ теперь, есть награда за ваши добровольные труды на пользу Общества, которое преслѣдуетъ цѣли, любезныя сердцу нашей Августѣйшей Покровительницы. Это — награда вамъ за тѣхъ бѣдныхъ и обездоленныхъ, о которыхъ заботится Общество. Это — награда вамъ за тѣхъ сиротъ и дѣтей, которыхъ Общество призрѣваетъ и воспитываетъ; это награда за тѣхъ, которые кромѣ усердной молитвы къ Богу о вашемъ здоровіи и долгоденствіи, ничѣмъ инымъ не могутъ отплатить. Эта заслуженная вами награда въ тоже время — награда всему Обществу, которое высоко цѣнитъ знаки Монаршаго благоволенія своей Августѣйшей Покровительницы.

Какъ одинъ изъ ближайшихъ вашихъ сотрудниковъ, я радъ поздравить и привѣтствовать васъ отъ имени Общества и счастливъ вручить вамъ этотъ крестъ».

Послѣ сего Отецъ протопресвитеръ возложилъ на о. Петра поднесенный крестъ и обратился къ нему съ привѣтствіемъ по случаю поднесенія ему другаго, цѣннаго же, креста отъ полка и прихожанъ.

Теплымъ и братскимъ словомъ привѣтствовалъ о. Петра сосуживецъ его по полку протоіерей І. В. Смоленскій. Указавши на трудность служебной

дѣятельности военнаго пастыря, особенно на трудность ея во время военнаго похода, онъ высказалъ, что служеніе о. Петра и при всей сей трудности не прошло безплоднымъ, доказательствомъ чего служатъ награды и отличіе, которыми онъ почтенъ со стороны начальства. «И настоящее вышесказанное многолюдное собраніе», сказалъ онъ, «въ этомъ храмѣ есть не что иное, какъ заслуженная о. Петромъ почеть. Въ этой почести сказывается выдающееся явленіе, не только лично для отца протоіерея отрадное, но и для другихъ пастырей поучительное. Не смотря на короткое служеніе собственно въ этомъ храмѣ снискать себѣ много почитателей, приобрести нелицемѣрную любовь и расположеніе—это поистинѣ явленіе отрадное и поучительное.... Быть можетъ это чествованіе покажется несвойственнымъ смиренію пастырскаго служенія, которое должно стоять выше почестей,—но чествуемый пусть не смущается, потому что чествованіе это исходитъ отъ любящихъ сердецъ. Да и самъ Пастыреначальникъ Христосъ устами Своего апостола заповѣдалъ воздавать всѣмъ должное.. ему же честь—честь».

Поднося за тѣмъ украшенный крестъ, о. протоіерей Смоленскій просилъ о. Петра принять святой крестъ, какъ выраженіе любви и расположенія къ нему со стороны подносящихъ, и свою рѣчь закончилъ молитвенно словами: «Распятый на крестѣ Христосъ—Божія сила и Божія премудрость—да подкрѣпляетъ о. протоіерея въ неизбѣжныхъ человѣческихъ немощахъ, да просвѣщаетъ къ дальнѣйшему, продолжительному и мудрому дѣланію въ служеніи пастырскомъ ко благу своихъ пасомыхъ.»

Отецъ Протопресвитеръ возложилъ на перси чествуемаго и этотъ поднесенный крестъ и сказалъ: «да послужитъ вамъ все это лучшею наградою за ваши труды и побужденіемъ для дальнѣйшей плодотворной вашей дѣятельности. Вижу и радуюсь, что васъ любятъ здѣсь, а гдѣ миръ да любовь, тамъ и Богъ».

Отъ братіи Сергіевой пустыни, что близъ С.-Петербурга, была поднесена въ серебро-позлащенной ризѣ икона Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца, покровителя пустыни.

Послѣ сего совершенъ былъ благодарственный Господу Богу молебенъ. Предъ отпускомъ его растроганный и умиленный такимъ чествованіемъ и любовью военныхъ, прихожанъ и почитателей, о. Петръ Троицкій въ своей рѣчи ¹⁾ глубоко благодарилъ всѣхъ за любовь къ нему и за драгоценный

¹⁾ Ниже напечатанной.

сердцу его даръ, коимъ выражается ихъ любовь и къ верховному Архипастырю Иисусу Христу.

Чествованіе о. Петра продолжалось потомъ и въ квартирѣ его. За скромною, но радушною транезою, предложенною о. Петромъ, провозглашено было немало задумевныхъ и сердечныхъ тостовъ.

Достойно начальствующему пресвитеру оказана сугубая честь (1 Тим. V, 17).

С. П. П.

Рѣчь, сказанная 9 іюня 1899 года проторіеємъ Петромъ Троицкимъ.

Христоролюбивые воины, благочестивые слушатели — прихожане храма сего!

Сердце мое преисполнено сегодня и трепетною радостію и глубокимъ недоумѣніемъ!

Пріятно, весьма отрадно сегодня, въ знаменательный для меня день исполнившагося двадцатипятилѣтія служенія въ санѣ священника, въ день не праздничный, видѣть васъ въ такомъ большомъ количествѣ собравшимися помолиться со мною, — недоумѣваю же, видя такіе драгоценные дары, которыми вы почтили меня въ сей день... Отъ глубины души благодарю васъ за столь великое ко мнѣ, не заслуженное мною вниманіе. Какъ пастырь церкви, служа въ семь храмѣ только пять лѣтъ, я ничего еще не могъ сдѣлать особенно выдающагося какъ для Церкви Божіей, такъ и для васъ — прихожанъ сей Церкви. Все же, сдѣланное мною — только начало моей дѣятельности; остальное же — благія желанія и намѣренія, которыя сегодня, какъ мнѣ выяснилось изъ вашихъ словъ привѣтствія, вами подмѣчены и такъ преизобильно оцѣнены. Съ первыхъ дней моего служенія въ семь храмѣ и до сей минуты, благодарю за сіе милосердаго Господа, сердце мое преисполнено утѣшенія — постоянно видѣть храмъ сей преисполненнымъ молящимися, труждающимися и приносящими свои посильныя лепты для его благолѣпія. Почему полагаю, что не заслуги наши предъ вами, а любовь ваша къ Господу, Спасителю нашему, и Его Святой Церкви, — вотъ, что побудило васъ, христоролюбивые воины и прихожане храма сего, такъ щедро и въ столь короткое время наградить насъ, всѣхъ служителей сего храма, не обращая вниманія на малое служеніе наше среди васъ. Эта же святая любовь движетъ васъ постоянно и къ слушанію поученій въ храмѣ семь

и на религіозно-нравственныя собесѣдованія, нами веденныя,—когда ни поздній часть времени, ни недостатки занимаемыхъ для сего помѣщеній, ни сырость, ни холодъ, ни темнота ночи, ничто въ теченіи пяти лѣтъ не становилось вамъ отъ посѣщеній полковаго манежа во время производимыхъ въ немъ бесѣдъ. Мы, пастыри Церкви, возвѣщаемъ вамъ волю Христа Спасителя нашего, а ревностные христіане, любя Господа, эту святую любовь переносятъ на служителей храма Господня, украшая перси служителей Алтаря Господня знаками безцѣнныхъ заслугъ Его на крестѣ.

Выходя изъ этого сознанія, приѣмлю дары сіи съ глубокою вамъ благодарностью, какъ выраженіе вашей любви и къ Пастыреначальнику Іисусу Христу.

Молюсь Всевышнему и до заката дней моихъ буду ему молиться: да сохранить васъ, христолюбивые воины, милосердый Господь, сохранить на многія лѣта на пользу Церкви, на славу Царю и родинѣ святой; да низпошлетъ Господь свои милости и щедроты и вамъ, благочестивые христіане, подастъ все потребное для васъ въ жизни: миръ, тишину, благораствореніе воздуха и изобиліе плодовъ земныхъ. Аминь.

Протоіерей Петръ Троицкій.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

Въ рождество дѣство сохранила еси, во успеніи міра не оставила еси, Богородице. (Тропарь праздника).

Когда исполнилось время приготовленія людей къ принятію Спасителя и настало всеобщее ожиданіе Его, Богъ послалъ Сына Своего Единороднаго, чтобы спасти людей отъ тяготѣвшихъ на нихъ грѣха, проклятія и смерти.

Какъ «*святое вмѣстилище Божія Слова*», какъ Матерь Богомладенца, воплотившагося Сына Божія, Дѣва Марія называется Богородицею, Матерью Господа, Матерью Божіею и христіанами Ей воздается особенная почесть и прославленіе: Она—честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ, высшая небесъ, большая всѣхъ тварей, владычица міра, царица неба и земли и проч.

Содѣлавшись Богоматерью, Марія Дѣва въ то же время оставалась дочерью Адама, тѣлеснаго и смертнаго, а потому не была изъята изъ общаго закона смерти. Въ Ея *довольной старости* пришелъ и для Нея день и часъ смерти, часъ разлученія души Ея съ тѣломъ. Вотъ это-то событіе—смерть Богоматери на церковномъ языкѣ и называется успеніемъ Пресвятыя Богородицы и воспоминается ежегодно 15 го августа.

Что же значить слово «успеніе» и почему такъ называется нынѣшній день?

Слово «успеніе» буквально значить уснутіе, т. е. тотъ моментъ, всѣмъ намъ хорошо извѣстный, но мало понятный, когда человѣкъ отъ бодрствованія переходитъ ко сну. Послѣ того, какъ Иисусъ Христосъ своею крестною смертію и воскресеніемъ поправилъ смерть и преломилъ ея жало (1 Корин. 15. 54, 55), и смерть человѣка въ христіанствѣ стала называться успеніемъ. Въ нашихъ святцахъ и мѣсяцесловахъ успеніемъ называется смерть людей святыхъ и праведныхъ. Но св. православная Церковь успеніемъ называетъ смерть всѣхъ людей и умершихъ всѣхъ называетъ *успшими, усопшими*, т. е. уснувшими, и испрашиваетъ имъ у Господа *во блаженномъ успеніи вѣчный покой*. Именуя смерть успеніемъ, Св. Церковь выражаетъ симъ глубокую христіанскую истину, что тѣлесная смерть человѣка не есть прекращеніе на вѣки его жизни, но есть только «долговременный» сонъ, за которымъ послѣдуетъ пріятное пробужденіе въ день, *въ онъ же вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ сотвориши благая въ воскресеніе живота, а сотвориши злая въ воскресеніе суда* (Іоан. V. 28, 29).

Именуя смерть успеніемъ, св. Церковь внушаетъ намъ, что для истинно и крѣпко вѣрующаго въ Того, Кто сказалъ о Себѣ: *Азъ емь воскресеніе и животъ, вѣруй въ Мя еще и умретъ, оживетъ* (Іоан. XI, 25), смерть не должна быть чѣмъ то страшнымъ, горькимъ, нежелаемымъ, потому что послѣ смерти, по всеобщемъ воскресеніи, наступитъ новая жизнь со Христомъ и блаженство съ Нимъ: *Желаніе имамъ разрѣшиться* (отъ узъ тѣла) *и со Христомъ быти*, говоритъ Ап. Павелъ.

А смерть праведниковъ дѣйствительно похожа на сонъ. Умираетъ праведникъ спокойно, безъ агоніи, даже съ пріятностью, какъ бы засыпаетъ пріятно послѣ тяжелаго труда, и всѣ окружающіе его иногда даже затрудняются опредѣлить, умеръ онъ или же только заснулъ.

Кончина Богоматери была подобна сну и была поистинѣ успеніемъ, и предъ Господомъ была честиѣ смерти всѣхъ преподобныхъ Его. Пресвя-

тая Дѣва знала, что *лѣтвица къ небеси гробъ бываетъ* и Ей хотѣлось по-этому скорѣе разрѣшиться отъ узъ тѣла и соединиться съ возлюбленнымъ Сыномъ Своимъ и Богомъ. По преданію Она постоянно, послѣ вознесенія Христа на небо, пребывая въ молитвахъ, больше всего молила Своего Сына и Господа о Своей смерти. И Иисусъ Христосъ заранѣе открылъ Ей возжелѣнный для Нея день Ея смерти. Радостно и съ благоговѣніемъ пріявши эту вѣсть, Пречистая стала готовиться къ смертному часу и безмятежно, безъ всякихъ предсмертныхъ мученій, а, напротивъ, полная радости, предала въ руки Сына Своего пресвятую Свою душу, *аки сномъ сладкимъ уснувши*.

Какъ вожелѣнна безболѣзненная, мирная, тихая кончина и для каждаго изъ насъ, братіе! Но и мы не лишены такой благодатной кончины; она можетъ быть удѣломъ и каждаго изъ насъ, если только мы заслужимъ этотъ удѣлъ. Пусть каждый всегда помнитъ день своей смерти, отъ которой никто не свободенъ и который не далекъ отъ насъ (что значить 10, 20 или 30 лѣтъ въ сравненіи съ вѣчностію?) и придетъ аки тать въ нощи, — *помяни, яко смерть не замедлитъ* (Сир, 14, 12). Помня день смерти, пусть каждый готовитъ себя къ нему, творя благоугодное предъ Богомъ: *поминай послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. VII, 39). Вѣдь, въ этомъ — то приготовленіи и состоитъ главная задача временной нашей жизни. И Господь дастъ христіанскую, безболѣзненную, непостыдную мирную кончину. *Праведныхъ души въ руцѣ Божіей и не прикоснется имъ мука* (Прем. III 1). Смерть же грѣшника люта, болѣзненна и ему страшна.

Ко дню успенія Богоматери всѣ апостолы, исключая ап. Θомы, *всесильнымъ мановеніемъ отъ конецъ земли* на облацѣхъ собраны были въ Іерусалимъ къ смертному одру Богородицы, чтобы проститься съ Нею, поклониться Ей, воспѣть исходную пѣснь и проводить Ее въ жизнь нескончаемую; и ихъ руками Пречистая погребена была въ Геосиманіи близъ Іерусалима. Но гробъ и смерть оказались безсильными удержать и тѣло Богоматери. Ея тѣло не только не видѣло истлѣнія во гробѣ, но и не осталось въ немъ даже въ видѣ нетлѣнныхъ останковъ или мощей, какъ оставались и остаются многія тѣлеса усопшихъ святыхъ. Черезъ три дня послѣ погребенія тѣла Богоматери, Ап. Θома, лишившійся, по особому промысленію Божію, чести присутствовать при погребеніи, хотѣлъ поклониться Усопшей; открыли гробъ и, къ удивленію, въ немъ не нашлось тѣла Богоматери, а были только погребальныя пелены, которыми было повито Ея тѣло при погребеніи. Недоумѣвающіе апостолы

молились Господу: *да откроется имъ о пречистомъ тѣлеси томъ*, и, вотъ, къ вечеру того же дня слышатъ они надъ храминою, гдѣ они собрались, гласъ ангельскаго пѣнія и воззрѣвши видятъ въ воздухѣ Саму Пресвятую Дѣву Богородицу въ прославленной плоти, окруженную ангелами. «*Радуйтесь*», сказала Она имъ, «*яко съ вами есмь во вся дни*». Черезъ это апостолы увѣрились и всю Церковь потомъ увѣрили, что Матерь Божія въ третій день по смерти Своей воскрешена отъ мертвыхъ и съ плотію взята на небо, чтобы вѣчно наслаждаться жизнью и блаженствовать.

Теперь понятно для васъ, братіе, почему кончина Богоматери и нынѣшній праздникъ, посвященный воспоминанію сей кончины, называются усеніемъ.

Во усеніи міра не оставила еси, Богородице— поетъ нынѣ св. Церковь. Какія эти утѣшительныя и въ тоже время непреложныя слова церковной пѣсни! Богоматерь не оставила міра и по своемъ усеніи... Когда Апостолы, принимая послѣднее благословеніе Божіей Матери, съ плачемъ и рыданіемъ молили Ее, яко общую всѣхъ Матерь, *да не оставляетъ ихъ въ сиротствѣ*, Она— какъ повѣствуетъ преданіе, *не плакати, но паче радоватися о Ея исходѣ веляше, яко ближее представи Божію престолу, и лицемъ къ лицу зрящи Сына и Бога Своего, и усты къ устамъ бесѣдующи, удобнѣе имать о всѣхъ молити и умилоствляти Того благодѣяно. Извѣствоваше же плачущимъ, яко не имать оставити ихъ въ сиротствѣ по Своемъ представленіи, не точію же тѣхъ, но и весь міръ имать посѣщати, назирати и помоществовати бѣдствующимъ* ¹⁾. И, дѣйствительно, велика и разнообразна Ея многопопечительность и милость о всемъ мірѣ, народахъ и отдѣльныхъ личностяхъ. Велики и неисчислимы помощь и милость Царицы небесной къ нашему, въ частности, русскому народу, къ городамъ и весямъ Россіи. Кому не извѣстны Ея помощь и заступленіе Россіи въ тяжелыя годы ея, въ годы татарскаго ига, нашествія поляковъ и, въ настоящемъ столѣтіи, французовъ? Кому не извѣстны названія Богоматери Казанской, Смоленской, Владимірской, Иверской, Тихвинской и многія другія? Всѣ эти и другія названія суть вѣчныя свидѣтельства благодѣяній Божіей Матери къ русскимъ людямъ. Многочисленны и разнообразны Ея милости и частнымъ лицамъ. Св. Церковь называетъ Богоматерь радостію всѣхъ скорбящихъ, предстательницей обидимыхъ, питательницей алчущихъ, пристанью обуреваемыхъ, посѣтительницей и ис-

¹⁾ Повѣств. объ усеніи.

цѣлицельницей болящихъ, для впадшихъ въ обиду покровомъ и заступленіемъ, жезломъ для старыхъ и слѣпыхъ, бездною благодати и щедротъ.. Всѣ эти названія взяты отъ самыхъ дѣлъ Богоматери. Она и нынѣ Материнскими своими молитвами къ Сыну и Богу заступаетъ, предваряетъ на помощь и избавляетъ отъ великихъ бѣдъ и золь благонравныя и Богобоясія рабы своя.

Владычице и Мати Избавителя, прими моленіе и насъ, недостойныхъ рабъ Твоихъ, да ходатайствуеши къ Родшемуся отъ Тебе. О, Владычице міра, буди ходатаица! (Церк. пѣснь).

Священникъ церкви л.-гв. вонно-гренадер. полка Павелъ Николаевскій.

Освященіе лагерной церкви 46-й пѣхотной резервной бригады.

9-го мая сего года состоялось *освященіе* новаго храма, устроеннаго во имя сошествія св. Духа на Апостоловъ въ лагерѣ 46-й пѣхотной резервной бригады, стоящей подъ г. Варшавой. Торжество освященія началось еще наканунѣ 9-го мая служеніемъ всенощнаго бдѣнія, которое совершалъ благочинный бригады, протоіерей о. Феодоръ Морозовъ въ сослуженіи священниковъ: 183-го Пултускаго полка о. Василія Цѣлицо и 187-го Холмскаго полка о. Алексѣя Мисевича. Въ день освященія въ 9 часовъ утра совершенно водоосвященіе, а въ 10 часовъ—освященіе Престола и жертвенника благочиннымъ протоіереемъ о. Морозовымъ въ сослуженіи священниковъ: 182-го Гроховскаго полка о. Кушина, 183-го Пултускаго полка о. Цѣлицо, 184-го Варшавскаго полка о. Селецкаго, л.-гв. Литовскаго полка о. Бѣлова (бывшаго Варшавскаго полка) и 187-го Холмскаго полка о. Мисевича при участіи діакона. По облаченіи престола и жертвенника три священника отправились въ близъ находящуюся лагерную церковь 47-й резервной бригады, чтобы совершить перенесеніе св. Антиминса, который временно находился тамъ на Престолѣ.

Въ 11 часовъ утра одновременно при колокольномъ звонѣ начались два крестные ходы: одинъ изъ вновь выстроенной церкви за св. Антиминсомъ, а другой изъ церкви 47-й бригады со св. Антиминсомъ.

Для приданія особаго торжества освященію такъ долго ожидаемаго устройства благолѣпнаго лагернаго храма (полки бригады стоятъ на Бѣлянахъ) во время крестнаго хода, по пути слѣдованія его, полки 46-й бригады выстроились шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги на протяженіи

полуверсты съ хорами музыки, игравшей несмолкаемо гимнъ «Коль славень». На подорогѣ между помянутыми церквами крестные ходы встрѣтились; протоіерей о. Морозовъ принялъ отъ священника о. Селецкого св. Антиминь, который торжественно и былъ отнесенъ во вновь устроенный храмъ. Картина крестнаго хода была такъ торжественно-чудна, что масса поляковъ, которые въ это время двигались изъ города пѣшими и въ экипажахъ на ежегодно справляемое ими народное гулянье въ ихъ Троицынъ день (по новому стилю въ нынѣшнемъ году Троицынъ день у католиковъ въ здѣшнемъ краѣ пришелся на 9-е мая стараго стиля) останавливались и съ большимъ интересомъ наблюдали за совершеніемъ крестнаго хода.

По освященіи храма въ немъ началось совершеніе первой Божественной Литургіи; протоіерей о. Морозовъ сказалъ соотвѣтствующее торжеству слово о благодати Божіей, обитающей въ православномъ храмѣ Господнемъ и изобильно изливающейся на ея вѣроу присутствующихъ въ немъ православныхъ христіанъ.

На торжествѣ освященія храма были: помощникъ командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа генералъ отъ инфантеріи Комаровъ, управляющій государственными имуществами Варшавской губерніи дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣевъ, начальникъ 46-й пѣх. резерв. бригады генералъ-маіоръ Рудицкіи-Лишинъ, начальникъ крѣпостнаго Варшавскаго военнаго инженернаго управленія полковникъ Стелецкій, бывший председатель комитета по постройкѣ лагернаго храма (нынѣ Ковельскій воинскій начальникъ) полковникъ Третьяковъ, архитекторъ Дитрихъ, безмездно потрудившійся надъ сооружеиіемъ храма, командиры и офицеры полковъ, нижніе чины бригады и масса молящейся публики изъ дачниковъ мѣстности Бѣляны.

Какъ самое освященіе храма, такъ и совершеніе въ немъ первой Божественной Литургіи, произвело умиленное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. На освященіи и Литургіи пѣли два хора искусныхъ пѣвцовъ: 181-го Остроленскаго и 184-го Варшавскаго полковъ; особенно прекрасно было пѣніе хора пѣвчихъ Остроленскаго полка подъ управленіемъ опытнаго регента подполковника того же полка Анца.

Въ началѣ 2-го часа по полудни Литургія окончилась; всѣ гости, присутствующіе въ храмѣ, священно-служащіе, командиры и офицеры полковъ бригады отправились въ офицерское собраніе Остроленскаго полка, гдѣ была предложена трапеза.

За обѣдомъ генералъ отъ инфантеріи Комаровъ произнесъ тостъ за здо-

ровые Государя Императора, на что послѣдовало со стороны присутствующихъ громкое, долго несмолкаемое «ура». Спустя нѣкоторое время Его Высокопревосходительство сказалъ краткую прочувственную рѣчь, въ которой помянулъ добрымъ словомъ главнаго инициатора постройки храма—умершаго начальника 46-й бригады генераль-маіора Кузьяевского и, поблагодаривъ всѣхъ здравствующихъ строителей за ихъ труды по созиданію столь великолѣпнаго храма, поднялъ за здоровье ихъ бокаль, крикнувъ громко «ура»! Всѣ присутствующіе долго вторили это радостное «ура». Здѣсь же на обѣдѣ протоіерей о. Морозовъ сказалъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ дѣятельность строительнаго комитета и особенно выдающееся усердіе въ семь дѣлъ начальника бригады генерала Рудицкаго-Лишина, капитановъ Вороновскаго и Жуковскаго, очертивъ дѣятельность послѣднихъ, т. е. капитановъ Вороновскаго и Жуковскаго, какъ самыхъ большихъ и беззавѣтныхъ труженниковъ по постройкѣ лагернаго храма. Пишущему эти строки нерѣдко приходилось видѣть, какъ эти почтенные труженники, исполняя свои обязанности по долгу службы, все свое свободное время посвящали святому дѣлу, постройкѣ храма; одинъ, изыскивая средства и приобрѣтая матеріалъ для постройки (капитанъ Вороновскій состоялъ казначеемъ строительнаго комитета), а другой, выполняя работы по плану и чертежамъ строящагося храма (капитанъ Жуковскій—наблюдателемъ работъ строительнаго комитета), просиживали на мѣстѣ постройки, все время руководя рабочими, а нерѣдко и сами брали въ руки топоръ и пилу. Хвала и честь имъ!

Во время обѣда генераль-маіоромъ Рудицкимъ-Лишинымъ была послана телеграмма О. Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства Александру Алексѣевичу Желобовскому, отечески сердечно отнесшемуся къ устройству лагернаго храма и разрѣшившему его освященіе; въ телеграммѣ начальникъ бригады извѣщалъ О. Протопресвитера, что столь долго ожидаемое построение дома Господня и освященіе его совершилось.

Храмъ вмѣщаетъ до 1500 человекъ; изящной архитектуры и великолѣпный по внутреннему убранству. Видно, что въ войскахъ русскихъ жива душа и вѣра въ Бога и, по вѣрѣ своей и усердію къ храму Господню, они изъ малой своей лепты могутъ создать многое. Многая лѣта строителямъ и благотворителямъ храма сего и христіюбивому побѣдоносному всероссійскому воинству!

Священникъ 183-го пѣх. резерв. Пултускаго полка Василій Щѣлищевъ.

На царскую службу...

«Дѣла не такъ давно минувшихъ дней»...

(Поучительный рассказъ).

Короткій ноябрскій день быстро смѣнился бурной непроглядной ночью: разыгралась вьюга-непогодушка; въ воздухѣ поднялась какая-то снѣжная толчея: зги Божіей не видно, хоть глазъ выколи. Въ понурыхъ хаткахъ села Воскресенскаго, утопающихъ въ снѣговыхъ сугробахъ, засвѣтились огоньки. Съ колокольни раздался предостерегающій путника мѣрный ударъ колокола, который гулко разнесся по окрестной снѣговой равнинѣ и медленно замеръ въ отдаленной опушкѣ сосноваго бора,—потомъ другой... третій...

Въ одной изъ крайнихъ убогихъ хатокъ, у самой околицы, тоже показался слабый огонекъ: засвѣтилась родная лучинушка, которая, кое-гдѣ по мѣстамъ, у крайней крестьянской бѣдности продолжаетъ еще упорную борьбу съ своимъ могучимъ врагомъ-керосиномъ. Особенно грустный видъ хатка съ своими дырявыми пристройками имѣла въ непогоду: все въ ней трещало и визжало, хатка, точно утлый челнокъ, поминутно вздрагивала всѣмъ корпусомъ.

Внутренность убогой хатки однако не скрывала своей чистоты и порядка, насколько это возможно въ крестьянскомъ быту. Обитательница ея старая Онуфріевна, хозяйка дома, прикурнувшая на печкѣ, въ полудремотѣ то поминутно вздыхала и крестилась со словами: «Господи помилуй», то тревожно посматривала на молодую женщину, свою ненаглядную невѣстушку Матрешу, беспомощно опустившуюся на прялку: лицо ея выражало безысходное горе. Раздался первый гулкій ударъ колокола...

— Никакъ батюшка приказалъ Демьянычу звонить?... какъ бы про себя проговорила Онуфріевна,—да и впрямь сказать: экая непогодушка-то разгулялась: можетъ гибнуть чья нибудь душенька въ полѣ...

При этихъ словахъ Матрена вздрогнула точно ужаленная.

— «Чтой-то ты, Матренушка, не спишь», обратилась совсѣмъ очнувшаяся отъ дремоты старушка къ молодой женщинѣ.

— Не спится, матушка: чуетъ мое сердеченко — забрили лобъ моему Федюшкѣ.

— Э, полно, голубка, свѣтъ не клиномъ сошелся: найдутся вмѣсто его и другіе... можетъ жеребышъ отойдетъ... неувѣренно добавила старушка.

Подъ окнами послышался скрипъ полозьевъ и неясный людской говоръ.

— «Чу, матушка, да никакъ наши», встрепенулась молодица, прильнувъ всѣмъ лицомъ къ сырому слезящемуся оконцу,—«такъ и есть»... и стрѣлой вынеслась въ сѣнцы.

Черезъ минуту на дворѣ послышался раздирающей душу крикъ, и въ хату бережно на рукахъ внесли Матрешу мужъ ея Ѳедоръ, уже остриженный подъ гребенку, и деверь Тимошка, малый лѣтъ девятнадцати. Съ Матреной начался необычный въ деревнѣ обморокъ; всѣ засуетились; послышалось: «не сбѣгать-ли по батюшку... можетъ еще успѣть причаститься»... Однако молодость и крѣпкіе крестьянскіе нервы взяли свое: Матреша понемногу стала приходить въ себя и оправляться. Ѳедоръ сталъ ее успокаивать:

— Полно, Матрена, убиваться: всѣ должны служить Царю и Отечеству.

Онуфріевна стояло понуро, подперши щеку рукой и съ невыразимой грустью смотрѣла на свое ненаглядное дитяtko Ѳедюшку.

Совсѣмъ оправившаяся Матреша повисла на шеѣ мужа и заголосила съ причитаніями:

— Соколигъ ты мой ясный, Ѳедюшка, на кого ты меня покидаешь?...

Въ сѣнцахъ послышался шорохъ,—и въ хату въ облакъ пара грузно ввалилась фигура церковнаго сторожа Демьяныча на деревяшкѣ.

— «Смирно, бабья команда! чего раскудахтались? чѣмъ бы успокоить парня, а онѣ накось что выдумали», строго скомандовалъ гость.

Появленіе Демьяныча разомъ произвело свое дѣйствіе: Матреша притихла и высвободила изъ своихъ объятій Ѳедора, а Онуфріевна хлопотливо стала разбирать мѣсто на лавкѣ для Демьяныча.

— «Присядь родной, присядь Демьянычъ! посмотри на наше горе-кручинушку», предложила она гостю.

Демьянычъ ловкимъ жестомъ, въ которомъ сейчасъ же бросалась въ глаза «николаевская» выправка, откинулъ шапку и деревяшку и усѣлся на лавку. Его угрюмое, но добродушное лицо, съ узловатыми морщинами и сѣдой, давно не видавшей бритвы щетиной, какъ то сразу подкупало въ его пользу, а вытертая дырявая шинель, накинутая поверхъ полушубка, съ безчисленными, выцвѣтшими отъ времени и непогоды, нашивками, свидѣтельствовала о давно минувшихъ боевыхъ дѣлахъ своего владѣльца. Съ его появленіемъ въ хатѣ какъ-бы разомъ почувствовался настоящій хозяинъ. Послѣ минутной паузы Демьянычъ наконецъ обратился къ Ѳедору.

— Ну что, Ѳедоръ, забрили?

— Забрили, Тимофей Демьянычъ.

— Ну и прекрасно... а еще кого изъ нашихъ то?

— Степку Терешкина, Ваську Грачева и Петрушку Сытина.

— Грачевъ и Сытинъ еще туда-сюда, а вотъ Терешкина то совсѣмъ напрасно.

— «Что ты, Демьянычъ, Христотъ съ тобой!» затараторила Онуфріевна: «да кому же и идти въ солдаты какъ не Терешкину: люди они богатые, а Степка и такъ всей деревнѣ насолил: ему тутъ самая настоящая дорога».

— «Я именно и говорю, что напрасно его забрали», невозмутимо продолжалъ Демьянычъ; «вѣдь ты, Онуфріевна, что смыслишь? поди, дальше своей околицы и не хаживала».

— Да гдѣ ужъ намъ.. вѣстимо дѣло, только на полдникъ до коровъ.

— Ну того-же, а я очень даже хорошо знаю, какіе слуги нужны Царю... нужны ему вотъ такіе, какъ твой Федоръ, а не такая гниль, какъ Степка: одинъ только переводъ казеннаго провіанта.

— «Да ужъ такъ къ слову пришлось, Демьянычъ», начала сдаваться Онуфріевна, «ужъ больно насолил Степка-то всей деревнѣ».

— Насолил, такъ убирай его въ «кутузку» или «на поселеніе»... Что же полкъ, по твоему, арестанская полурота, куда всякую мразь можно сваливать?

Онуфріевна окончательно стала въ тупикъ предъ неотразимой силой такихъ доводовъ.

Тѣмъ временемъ подъ окнами послышалось пикиканье гармоники и полупьяный голосъ, хрипло выводящій:

Ваську Хрѣнова обрили,

всей деревней завопили,

вотъ ка-алина, вотъ ма-алина...

И чрезъ минуту въ хатѣ появился щеголевато одѣтый Степка Терешкинъ съ гармоникой подъ мышкой. На немъ былъ крытый синимъ сукномъ полшубокъ, шапка-хивинка и сапоги «съ наборомъ» въ высокихъ резиновыхъ галошахъ; глаза и голосъ убѣдительно говорили, что Степка «въ подпитіи»,—онъ лихо съ какими-то фабрично-кабацкими ухватками затараторилъ:

— Наше глубочайшее Тимофей Демьянычу, разныхъ орденовъ кавалеру... и вамъ, Онуфріевна, съ Федоромъ и Матреной!

Появленіе безшабашнаго Степки точно всѣхъ озадачило: ужъ больно онъ не къ мѣсту и не ко времени былъ въ данную минуту; всѣ молчали,

не находя, что сказать на его привѣтствіе, а Демьянычъ такъ тотъ прямо не скрывалъ своего презрѣнія...

— «Шатаешься ты, братъ, безо время по задворкамъ, а отецъ-то съ женой, поди, горюють», — не глядя на Степку, вставилъ онъ.

— Катерина, правда ваша, Тимофей Демьянычъ, реветъ коровой, ну, а что касательно родителя, то у него извѣстная музыка, — кричитъ: «какъ смѣли... я до губернатора дойду... до самого Царя дойду»... да вѣдь онъ что смыслить? извѣстно, старъ человѣкъ: изъ ума выживаетъ», бросилъ въ его сторону Степка.

— Конечно, сдѣланнаго не воротишь, а совсѣмъ не слѣдовало бы тебя брать въ службу: не такіе туда требуются...

— «И это вы совершенно напрасно изволите такъ говорить, Тимофей Демьянычъ», огрызнулся хвѣстливо Степка: «я еще останусь на вѣчную службу»...

— Само собой останешься на вѣчную службу: сначала въ полку, потомъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ, а наконецъ того и въ каторгѣ, — вотъ тебѣ и вѣчная служба.

— Опять таки не то говорите вы, Тимофей Демьянычъ: я буду офицеромъ, генер-раломъ! вотъ чѣмъ я буду.

— Охъ, ты горе-инераль, сколько такихъ инераловъ, какъ ты, на моихъ глазахъ пошло въ дисциплинарку — и не перечесть!

— «Съ вами говорить Тимофей Демьянычъ — только время тратить», отвѣчалъ Степка.

«Вотъ что, Федоръ! чѣмъ съ бабами нянчиться, пойдемъ-ка лучше въ кабакъ; тамъ теперь селищевскіе новобранцы, ухъ, какъ гуляють», обратился онъ къ задумчиво-сидящему Федору.

— «Что ты, непутевый», встрепенулась Онуфріевна! «отродясь мой Федюшка туда не хаживалъ, а теперь ужъ и подавно».

— Такъ не пойдешь?

— Нѣтъ, Степанъ, иди ты себѣ, а я ужъ дома останусь... какой тутъ кабакъ.

— «Ну, въ такомъ случаѣ мое всенижайшее честной кампаніи!» повернулся на каблукахъ Степка и скрылся въ дверяхъ.

Подъ окнами послышались снова мотивы всей той же разудалой пѣсни удаляющагося Степки. Съ его уходомъ въ хатѣ всдворилось на минуту гробовое молчаніе. Демьянычъ задумчиво уперся взглядомъ въ полъ.

«Быть бычку на веревочкѣ», проговорилъ онъ наконецъ, «не избѣжать

Степкѣ дисциплинарнаго баталіона; правда, служба теперь стала куда какъ вольготнѣе, а все же такимъ сорванцамъ потачки не даютъ».

— «А что это такое, Тимофей Демьянычъ, дисциплинарный баталіонъ?» обратился къ нему Ѳедоръ.

— Да какъ тебѣ сказать... ну то же самое, что Сибирь или каторга, потому что изъ дисциплинарнаго одна дорога — въ Сибирь, а то пожалуй и въ каторгу. Вотъ я и говорю: не избѣжать Степкѣ арестанскаго халата, помяните мое слово.

Послѣднія слова Демьяныча произвели на всѣхъ замѣтно удручающее впечатлѣніе, что не скрылось отъ его пытливыхъ сѣрыхъ глазъ.

— «Ты Ѳедоръ не безпокойся», добавилъ онъ, «въ дисциплинарномъ баталіонѣ для тебя нѣтъ мѣста... хотъ просись туда, такъ не примутъ, потому туда требуются тоже особенные»... при чемъ лицо его превратилось въ добродушнѣйшую и ободряющую улыбку.

— «Да и заболтался же я у васъ: надо еще обойти церковь да отзвонить 12 часовъ... ишь, вьюга-то никакъ не уляжется... ну, спокойной вамъ ночи, а ты, Матренушка, не тужи: никто какъ Богъ», и онъ быстро въ одинъ приемъ поднялся, подтянулъ деревяшку, надѣлъ шапку-наушникъ и молодцовато вышелъ изъ хаты.

Вскорѣ по его уходѣ Онуфріевна накрыла столъ: поужинали, чѣмъ Богъ послалъ, погасили огонь и въ бѣдной лачужкѣ подъ дырявой крышей водворился безмятежный миръ и тихая покорность судьбѣ.

II.

Къ утру ночная завируха поулеглась; улица, хаты и задворки покрылись, точно саваномъ, толстымъ слоемъ снѣга. Наступила полная тишина. Закурились хаты. Въ воротахъ церковной ограды показалась фигура Демьяныча на деревяшкѣ. Онъ остановился, окинулъ однимъ взглядомъ вокругъ церкви, нахмурился, что-то поворчалъ себѣ подъ носъ, очевидно выражая неудовольствіе на обиліе снѣга, который ему же придется убирать, и спѣшно заковылялъ по направленію дома о. Петра съ обычнымъ утреннимъ «рапортомъ».

Окруженный палисадникомъ и такой же старый, какъ и самъ владѣлецъ его, домъ отца Петра стоялъ нѣсколько на отлетѣ. Построенъ онъ былъ по общему великорусскому шаблону, выработанному вѣковымъ опытомъ, на двѣ половины — переднюю, такъ называемую, «горницу», и заднюю —

«кухню», связанныя между собой обширными холодными «сѣнями» съ разными боковушами, въ которыхъ хранилось добро матушки Таисіи Петровны. Такъ какъ о. Петръ окончилъ семинарію въ тѣ времена, когда въ ней проходила медицина, то къ одной изъ капитальныхъ стѣнъ между окнами, какъ необходимая принадлежность, былъ приспособленъ шкафчикъ съ медикаментами, столь извѣстный всѣмъ воскресенцамъ отъ мала до велика.

По праздничнымъ днямъ между утреней и литургіей эта комната набивалась прихожанами, преимущественно изъ деревень. Каждый при входѣ во дворъ очищалъ сапоги, оправлялся, оглядывался и степенно входилъ въ кухню, долго истово молился и съ привѣтствіемъ садился на лавку. Мѣсто въ переднемъ углу занимали болѣе почетные и степенные прихожане, молодежь же усаживалась при входѣ или просто стояла на ногахъ и прислушивалась къ старшимъ; по мѣрѣ сбора посѣтителей сама собой завязывалась оживленная, но чинная, бесѣда о разныхъ деревенскихъ злобахъ: о податяхъ, о семейныхъ раздѣлахъ, о земельныхъ передѣлахъ, о томъ, что со льномъ совсѣмъ плохо: купцы шибко сбиваютъ цѣны и въ свое оправданіе говорятъ, что «англичанка сильно гадить». Время отъ времени въ дверяхъ появлялась разодѣтая молодлица, которая долго и чинно молилась на божницу и послѣ привѣтствія: «миръ вамъ, мужики» скрывалась къ матушкѣ въ боковую. Въ послѣдней тоже собиралась оживленная жеиская компанія со своими новостями: сообщалось о томъ, что безтыжіи Сидорка — кузнецъ стащилъ у своей Аграфены послѣднюю холстинку въ кабакъ, и что Аграфена бѣгала жалобиться до «земскова», и что «земской» посулилъ было Сидоркѣ розги... да Аграфена напослѣдокъ сжалилась... всетаки мужъ... благословенный... какъ ни говори...; что Картошкины думаютъ засылать сватовъ къ Акимовой Настасьѣ, да «сумлеваются»: ужъ больно горда Настасья-то, какъ бы не отказала...; что Матрена Гладышкина выслала на медни своего Петруньку въ первый разъ въ поле съ сохой...

— «Вотъ-бы посмотрѣли, сударыня матушка», добавляетъ рассказщица: «Петруньку-то, почитай, за сохой и не видно: мотаетъ она его, сердечнаго, изъ стороны въ сторону, а Матрена плачетъ да причитаетъ: «горе наше, Петрунюшка, вдовіе—сиротское, и некому нашему горю пособить».

Матушка Таисія Петровна тѣмъ временемъ хлопочетъ съ Лукерьей у печи и внимательно слѣдитъ за разказами, помянуто вставляя свои авторитетныя замѣчанія.

Но, вотъ, раздался первый ударъ колокола, призывающій къ литургіи,—

и на обѣихъ половинахъ всѣ разомъ встають, истово крестятся и направляются къ выходу, посылая чрезъ перегородку матушкѣ прощальное привѣтствіе.

Послѣ праздничнаго обѣда, когда о. Петръ немножко отдохнетъ, въ кухнѣ снова собиралась компанія воскресенскихъ обывателей, частью такъ себѣ «покалякать», частью послушать «вѣдомостей», выписываемыхъ о. Петромъ въ видѣ «Сына Отечества». Особенно оживленны были эти собранія во время минувшей русско-турецкой войны. О. Петръ вооружался круглыми серебрянными очками и начиналось чтеніе «вѣдомостей»: когда дѣло доходило до реляцій о дѣйствіяхъ нашей арміи, то о. Петръ начиналъ читать болѣе выразительно и съ удареніями... Слушатели жадно и съ напряженіемъ ловили каждое слово, глаза загорались тѣмъ огнемъ, о который столько разъ обжигалась и просвѣщенная Европа и полудикая Азія... слышались громкія замѣчанія: «такъ ихъ, нехристей!... ай-да Скобелевъ... лупи ихъ на всѣ корки... и по дѣломъ: не трошь нашихъ!»...

Кагда-то «хоромы» о. Петра были свидѣтелями шумной молодой жизни: съѣзжавшіяся на каникулы дѣти о. Петра и съ своими сестрами пѣли и танцевали, но это было давно; теперь уже не то: дочки повыходили замужъ, а сыновья пристроились на священническія мѣста.

Въ данную минуту въ покояхъ о. Петра было тихо, точно въ скиту.

— «Здравія желаю вамъ, сударыня-матушка», гаркнулъ во все горло старый инвалидъ.

— «Это ты, Демьянычъ?»—послышалось изъ клѣти,—«проходи на кухню»...

Демьянычъ направился къ кухнѣ, постукивая о помость своей деревяшкой. Отецъ Петръ давно уже всталъ, умылся, справился въ святцахъ, какіе сегодня святыя, помолился Богу, потребилъ часть просфоры и собирался уже присѣсть къ самоварчику, какъ въ дверяхъ появился Демьянычъ, медленно вытянувшійся по фронтовому у притолки.

— «А, Демьянычъ, добро пожаловать... съ какими новостями?» проговорилъ ласково о. Петръ, идя ему на встрѣчу.

Вся фигура о. Петра, сѣденькая и худенькая, въ потертомъ люстриновомъ подрясникѣ, дышала тѣмъ душевнымъ покоемъ, который такъ обаятельно и благотворно дѣйствовалъ на всѣхъ окружающихъ, особенно въ трудныя минуты жизни.

— «Здравія желаю В. Выс—бію!» отчеканилъ точно на смотру старый инвалидъ.

— Ну что новенькаго?

— «Въ церкви все обстоит благополучно»... официально докладывалъ Демьянычъ... «за ночь намело у церкви много снѣга... по направленію къ Бурцеву видно было съ колокольни что-то въ родѣ зарева: быть можетъ новобранцы «шалать», а быть можетъ и такъ что-нибудь...» закончилъ Демьянычъ.

— «Ну садись-садись: вотъ «сама» сейчасъ пожалуетъ, будемъ чайничать», пригласилъ о. Петръ.

Демьянычъ не заставилъ себя долго просить: положивъ шапку на край печи, онъ прошелъ впередъ и почтительно усѣлся на широкую лавку у самага края стола, на которомъ весело жужжалъ чистенькій какъ зеркало самоварчикъ.

Лишь только о. Петръ съ Демьянычемъ пристроились къ самоварчику, какъ въ комнату вошла сама матушка Таисія Петровна.

При ея появленіи Демьянычъ вѣжливо привсталъ.

— «Сиди-сиди, Демьянычъ, тебѣ-ли съ твоей деревяшкой деликатничать», привѣтливо успокоила она послѣдняго, торопливо сняла съ себя заячью шубку и присѣла къ столу.

— «Ну, что новенькаго, Демьянычъ?» обратилась она къ старому инвалиду, подавая ему стаканъ съ чаемъ.

— Новобранцы пріѣхали, матушка... съ вечера заходилъ къ Савичевымъ.

— Да неужто Ѳедора забрили?! Говори толкомъ Демьянычъ!

— Забрили, матушка.

— А еще кого?

— Степку Терешкина, Ваську Грачева и Петрушку Сытина.

— Вотъ наказаніе то Божіе.. перваго парня во всемъ приходѣ забрили... чего же начальство смотреть?

Демьянычъ насторожился...

— «Да, Ѳедоръ Савичевъ былъ у меня примѣрный христіанинъ и образцовый семьянинъ», вставилъ задумчиво о. Петръ.

— «Что же изъ того матушка, что забрили Савичева?» началъ осторожно и почтительно Демьянычъ, — «теперь такіе именно и требуются въ службу...»

— Что ты, Демьянычъ, Христось съ тобой! Ѳедоръ нуженъ въ деревнѣ, а вотъ Степку Терешкина... этого пожалуй... этому какъ разъ туда дорога.

— Не совѣмъ вы, матушка правы: теперь военная служба — почетная служба и требуются именно Савичевы, а не Терешкины.

— «Ну что ты мнѣ рассказываешь,—слава Создателю! не первый годъ живу на свѣтѣ!... Помнишь, Петръ Арсеньевичъ, наемныхъ рекрутовъ?» обратилась она къ мужу,—«и откуда только добывали такихъ воровъ и разбойниковъ?!.. вотъ тѣмъ, конечно, больше было некуда, какъ въ военную службу: за одно на войнѣ душегубствовать... а то на! что выдумали... Федора Савичева!

— «Нынѣ, матушка, служба не та: требуются лучшіе люди», началъ было снова Демьянычъ, видимо терявшій подъ собой почву.

— «И что ты мнѣ рассказываешь? какъ будто въ старину рекрутское войско было хуже настоящаго!» живо перебила его матушка.

— Пожалуй что и хуже.

— А вотъ ты и неправду сказалъ: а кто по твоему какъ не войско прогнало изъ Москвы Наполеона съ двенадцатью языками... а ну-ка скажи?

— Я еще въ полку сударыня-матушка слышала, какъ гг. офицеры объ этомъ толковали: зима и казаки прогнали Наполеона, а то бы ни въ жизнь нашему регулярному войску не справиться съ такимъ страшнымъ врагомъ.

— «На-ко что выдумали: зима и казаки!» иронически вставила Таисія Петровна; «не казаки, а наше христолюбивое воинство,—такъ и на рожденственскомъ молебнѣ поютъ многолѣтіе христолюбивому воинству, а не казакамъ», побѣдоносно закончила Таисія Петровна.

Отецъ Петръ все время ухмылялся себѣ въ бородку и не принималъ участія въ спорѣ, а Демьянычъ, окончательно сбитый съ толку послѣднимъ доводомъ матушки, замолчалъ и только почесывалъ за ухомъ.

— «Экое горе... Федора забрили», заговорила первая Таисія Петровна, но уже въ минорномъ тонѣ, «побѣгу сейчасъ къ Онуфріевнѣ, поди, какъ убиваются съ Матреной.»..

— «И въ самомъ дѣлѣ, Таисія Петровна, чѣмъ тутъ попусту разводить бобы на счетъ Наполеона, лучше провѣдала-бы Савичевыхъ», предложилъ о. Петръ своей супругѣ, «а мы вотъ съ Демьянычемъ поговоримъ о своихъ дѣлахъ».

Таисія Петровна быстро допила послѣднюю чашку, накинула на плечи заячью шубейку и выкатилась за порогъ.

— «Что ни говори Демьянычъ», началъ первый о. Петръ, «а жаль Федора Савичева; конечно, ты правъ, ну а все-таки... что мы теперь будемъ дѣлать безъ пего въ церкви? такой онъ былъ прекрасный чтець и пѣвецъ.

— «Такъ точно Ваше В--біе», подтвердилъ Демьянычъ! «что и говорить»...

— Захарычъ, самъ знаешь, въ гробъ глядитъ: ужъ очень древень сталъ человѣкъ, да и прихожане жалуются: ничего, говорятъ, не разрешишь, что онъ шамкаетъ на клиросѣ.

— «Это точно, ваше, в—біе», подтвердилъ снова Демьянычъ, «онъ и самъ знаетъ, что пора ему въ могилу, да что подѣлаешь, когда смерть не приходитъ, а пить—ѣсть всетаки и ему надо... хоть бы пенсію какую, а то и того нѣтъ».

— «А какъ ты думаешь, Демьянычъ, далеко зашлютъ нашихъ ребятъ?» задалъ вопросъ о. Петръ.

— Да какъ вамъ сказать, ваше в—біе? Грачева и Сытина, пожалуй, зашлютъ: ребята они видные, можетъ въ гвардію али въ артиллерію, ну, а Савичевъ съ Терешкинымъ врядъ-ли дальше «губерніи» пойдутъ.

— И то дѣло: всетаки поближе... только Терешкина слѣдовало-бы куда-нибудь подальше, авось образумила-ли бы его чужая сторонка....

— О немъ не стоитъ думать, ваше в—біе; куда его ни верни, все равно, онъ человѣкъ пропащій.

— «Удивительное дѣло: откуда могъ произрасти этотъ плевель сельный?» задумчиво проговорилъ о. Петръ, «старшій братъ какъ и быть человѣкъ, мать—женщина, можно сказать, хорошая; вотъ развѣ родитель что... жалуются на него православные: поприжимаетъ со льномъ... къ тому же вздорень и строптивъ».

— Извѣстное дѣло, ваше в—біе, какова яблонька, таково и яблочко.

— И представь себѣ: съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, все такой же: не лучше ни на іоту. Отрокомъ будучи, обучался у меня; сколько у меня съ нимъ было хлопотъ, одинъ Богъ знаетъ: кто опустошилъ огородъ—Терешкинъ, кто стравилъ пѣтуховъ—Терешкинъ, кто загонялъ гусей—Терешкинъ; въ школѣ всѣ жалобы на того же Терешкина. Сталъ юношей, сталъ и первымъ гулякой и забіякой; всѣхъ осмѣетъ и облаетъ. Женили; всѣ думаютъ, не остепенится-ли; какое тамъ степенство?! Не будь его родитель при такой силѣ и капиталахъ, не сносить бы ему своей головы...

— Ничего, ваше в—біе, въ службѣ эту самую костерку изъ него повыжмутъ... чего добраго совсѣмъ замнутъ: сдается мнѣ, не видать больше Терешкину Воскресенскаго.

— «Конечно желать ему этого не слѣдуетъ», наставительно замѣтилъ о. Петръ, «ну, а если что случится, то плакать никто не будетъ: сорная трава изъ поля вонъ».

Наступила минутная пауза.

— «А не слышалъ, Демьянычъ, на какое время они отпущены?» задалъ вопросъ о. Петръ.

— Да, говорятъ, на той недѣлѣ въ четвергъ должны быть въ городѣ.

— Надо будетъ отслужить имъ напутственный молебенъ... хорошо бы оповѣстить гридневскихъ и селищевскихъ новобранцевъ... за одно... только какъ это сдѣлать?

— «А, вотъ, въ воскресенье послѣ обѣдни передамъ тамошнимъ богомольцамъ, ну, и зайдутъ по пути», предложилъ Демьянычъ.

— Ну и ладно, значить такъ и порѣшимъ: въ четвергъ утромъ молебенъ, а теперь я тебя не держу.

Демьянычъ всталъ, получилъ благословеніе, распростился съ батюшкой и заковылялъ къ себѣ въ сторожку.

III.

Утромъ въ четвергъ ударъ колокола оповѣстилъ воскресенцевъ о предстоящемъ молебствіи, и съ обоихъ концовъ большаго села потянулись зипуны и сермяги обывателей. Часть послѣднихъ шла съ определенной цѣлью — проститься съ отъѣзжающими родственниками, большинство же такъ себѣ... поглазѣть..., а бабы посмотрѣть и послушать, какъ будутъ вопить и причитывать «некрутчицы», въ чемъ воскресенскія крестьянки славились на всю округу, какъ самыя искусныя причитальщицы.

У церковной ограды уже стояло нѣсколько саней—розвальней, въ которыхъ пріѣхали къ молебствію селищевскіе и гридневскіе новобранцы съ своими родственниками. Толпа немедленно окружила ихъ.

Нѣсколько въ сторонѣ толпа молодежи окружила подгулявшаго Степку Терешника, который на этотъ разъ остриль и паясничалъ самымъ отчаяннымъ образомъ. Особенно доставалось отъ него увильнувшимъ отъ службы по дальнему жеребью и физическимъ недостаткамъ; всѣ они тутъ же толкались, стараясь, впрочемъ, не попадаться на глаза Степки.

— «Сейчасъ батюшка пожалуетъ», обратился къ толпѣ подошедшій Демьянычъ, «не встрѣтитъ-ли намъ, ребята, его по военному?»

— «А всенепремѣнно по военному, Тимофей Демьянычъ... Нутко, начинайте насъ выстраивать», отозвалось нѣсколько голосовъ.

Демьянычъ проворно и умѣло сталъ выстраивать шеренгу фронтомъ къ воротамъ церковной ограды, къ удовольствію сбѣжавшихся со всего села

ребятишекъ, которые съ интересомъ слѣдили за всѣми распоряженіями стараго служаки, окончательно вошедшаго на этотъ разъ въ роль заправскаго фельдфебеля.

Изъ-за ограды показалась сѣденькая фигура о. Петра въ бѣличьей раскѣ.

— «Смирно... глаза налѣ-ѣво!» скомандовалъ Демьянычъ такимъ зычнымъ голосомъ, какъ будто предъ нимъ стояла цѣлая дивизія.

— «Здравствуйте, братцы», ласково и привѣтливо поздоровался съ новобранцами о. Петръ.

— «Здравія желаю вашему в—бію», отчеканилъ «по форменному» старый инвалидъ.

— «Здравствуй, батюшка-кормилецъ», послышалось нестройно и въ разногласицу изъ шеренги.

— «Заходите-ка въ храмъ Божій, да помолимся въ путь-дороженьку», предложилъ о. Петръ.

Новобранцы, а за ними и родственники, потянулись подъ своды помѣстительнаго и благоустроеннаго воскресенскаго храма. Началось молебное пѣніе. Небольшой хоръ подъ умѣлымъ управленіемъ Ѳедора Савичева пѣлъ внятно и умильно. Въ толпѣ, окружившей вышедшаго въ облаченіи на средину храма о. Петра, слышались глубокіе молитвенные вздохи, клались земные поклоны, а къ подсвѣчникамъ поминутно тянулись руки съ копѣчными свѣчами. Въ концѣ молебствія о. Петръ съ крестомъ въ рукахъ обратился къ новобранцамъ съ прощальнымъ словомъ: онъ долго и много говорилъ о долгѣ службы по совѣсти и присягѣ и въ заключеніе сказалъ: «сорокъ нять лѣтъ, дѣти мои, я служу на семъ святомъ мѣстѣ; почти полвѣка живу среди васъ и учу васъ, и не только васъ—и отцовъ вашихъ принималъ отъ купели, радовался всему хорошему среди васъ и скорбѣлъ душой за все дурное. Ужели послѣ всѣхъ трудовъ и заботъ моихъ о васъ, вы осрамите себя на службѣ царской?! Этого не случилось съ отцами и дѣдами вашими, надѣюсь, не будетъ того и съ вами; подойдите поближе и я благословлю васъ».

Новобранцы, растроганные и взволнованные, одинъ по одному понуро подходили ко кресту, съ чувствомъ и запросто цѣловались съ своимъ «кормильцемъ-батюшкой», по морщинистому лицу котораго катилась уже не первая старческая слеза, а затѣмъ всей гурьбой двинулись къ выходу изъ церкви.

Десятскіе, правившіе лошадьми, дружно подкатили къ воротамъ ограды съ цѣлью принять въ свои сани новобранцевъ. Но не тутъ-то было: толпа, окружившая новобранцевъ и смѣшавшаяся съ послѣдними, не выпускала ихъ изъ своихъ объятій и топталась въ воротахъ ограды. «Некрутчицы» заголосили и повисли на шеяхъ мужей, не взирая на увѣщанія старосты Терентія Лукьянова, степеннаго мужика съ бляхой на груди.

Послѣдній видя, что словами тутъ ничего не подѣлаешь, приказаль десятскимъ:

— А нутко, ребята, трогай полегоньку....

Пустыя сани однѣ за другими потянулись гуськомъ по селу за околицу, а за ними двинулась и толпа.... На что уже Степка Терешкинъ, и того оставила обычная его безшабашность: онъ шелъ сумрачный...

— «Ну полно, Катерина, чего разревѣлась точно весной на выгонѣ»... утѣшалъ онъ, какъ могъ, свою дражайшую половину.

Матреша давно уже «выплакала» глаза и шла совершенно машинально, дико озираясь кругомъ и явственно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что происходитъ вокругъ нея.

Федоръ, съ трудомъ сдерживая приступающія къ горлу слезы, съ спокойствомъ поминутно вглядывался въ дорогія черты лица жены, стараясь всѣми способами ее успокоить.

— «Ну, бабыньки», обратился къ толпѣ Терентій Лульяновъ, «сколько не идти, а всего поля вамъ не перейти... попрощайтесь-ка да отпустите насъ въ путь-дороженьку

Поляна огласилась послѣдними прощальными рыданіями.

— «Эй, Грачевъ, чего замѣшкался?» понукалъ староста, «Терешкинъ гдѣ ты?.. Савичевъ! да будеть тебѣ...»

— «Ну прощай, Матрешенька! не тужи, скоро свидимся», обратился въ послѣдній разъ Федоръ къ своей женѣ.

Матреша впилась безумными глазами въ дорогія черты своего «болѣзнаго и жалливаго», зрачки ея становились все шире и шире, она покачнулась впередъ и всѣмъ корпусомъ грохнулась навзничь. Онуфриевна съ сосѣдками припала къ обморочной.

— «Савичевъ! да скоро-ли ты?» послышался изъ переднихъ саней уже сердитый голосъ старосты.

Федоръ бросилъ послѣдній взглядъ на Матрену и быстро вскочилъ въ заднія сани.

«Эй, Авдѣй, пошевеливай!» скомандовалъ Терентій Лукьяновъ переднему возницѣ, съ которымъ ѣхали Терешкинъ и Грачевъ.

Поѣздъ длинной черной змѣйкой сталъ быстро извиваться по кривой проселочной, забирая то вправо, то влѣво, и скоро скрылся изъ глазъ за косогоромъ погоста.

— «Смотри, Степанъ (Терешкинъ), не соблуди чего въ полку... не то въ вѣчную службу возьмутъ», слышался гдѣ-то тамъ позади разбитый старческій голосъ...

Прошло пять лѣтъ. Ѳедоръ Савичевъ вернулся домой въ унтеръ-офицерскомъ званіи, а Степанъ Терешкинъ уготовилъ—таки въ дисциплинарный баталіонъ. Савичеву всё въ деревнѣ—рады, а Терешкина никто и не пожалѣетъ.

Исполнилось горькое предсказаніе сторожа Демьяныча о Терешкинѣ. Справедлива сказанная пословица: «что посѣешь, то и пожнешь».

Священникъ Минскаго пѣхотнаго полка Александръ Альбицкій.

Прощаніе причта Сергіевскаго всей Артиллеріи собора съ генералъ-маіоромъ Т. М. Бѣляевымъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года командиръ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, генералъ-маіоръ Тимофей Михайловичъ Бѣляевъ получилъ новое, высшее назначеніе на Кавказъ ¹⁾. Причтъ Сергіевскаго всей артиллеріи Собора, съ давнихъ поръ глубоко почитавшій генерала за его искреннюю религіозность и неизмѣнно горячее сочувствіе церкви Христовой и ея служителямъ, выразилъ желаніе съ особою честію проводить своего бывшего церковнаго ктитора, занимавшаго эту должность въ чинѣ полковника и въ должности начальника отдѣленія при Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи. Надобно сказать, что генералъ Бѣляевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ свѣтски образованныхъ офицеровъ, которые близко къ сердцу принимаютъ вопросы религіозные, съ любовью слѣдятъ за судьбами православія и церкви Христовой, съ полнымъ вниманіемъ прочитываютъ лучшія богословскія сочиненія, изданныя въ Россіи и за границей, и стараются въ самую жизнь провести идеи вѣры и правила христіанскаго благочестія. Мы лично знаемъ, что генералъ Бѣляевъ присутствовалъ на многихъ собраніяхъ столичнаго

¹⁾ Командующаго артиллеріею Кавказскаго армейскаго корпуса

Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви, духовнымъ пастырскимъ бесѣдамъ придавалъ весьма важное значеніе, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ приглашалъ Соборный Сергіевскій причтъ совершать всенощныя бдѣнія въ казармахъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады для нижнихъ чиновъ, построилъ нѣсколько военныхъ церквей на мѣстахъ своего прежняго служенія, доселѣ съ любовью лелѣетъ мечту о созданіи особаго храма для чиновъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, за крайнею тѣсною въ Сергіевскомъ всей артиллеріи соборѣ и содержалъ бесплатно въ своей квартирѣ иновѣрцевъ, прибывшихъ изъ отдаленныхъ странъ для ознакомленія съ Россією и ея православіемъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что онъ не пропускалъ почти ни одной службы въ Сергіевскомъ Соборѣ и тѣмъ подавалъ подчиненнымъ высокій примѣръ для подражанія. Все это возбудило въ Сергіевскомъ причтѣ, отъ настоятеля до послѣдняго псаломщика, глубокое уваженіе къ г. Бѣляеву, которое ярко выразилось въ проводахъ его къ новому мѣсту служенія. Заблаговременно заказанъ былъ причтомъ прекрасный образъ препод. Сергія въ сребро-позлащенной ризѣ и на воскресенье, 25-го Апрѣля, передъ позднею литургією приглашенъ былъ генералъ въ соборъ со своимъ семействомъ для слушанія напутственнаго молебствія. Въ Соборѣ, у главной иконы Сергія Преподобнаго, Тимофей Михайловичъ былъ встрѣченъ причтомъ въ полномъ составѣ, уже облачившимся въ форменныя одежды. Передъ молебномъ настоятель собора обратился къ г. Бѣляеву съ слѣдующею рѣчью: «Ваше Превосходительство, глубокочтимый генералъ, Тимофей Михайловичъ! Давно уже въ теченіе не одного десятка лѣтъ, Сергіевскій причтъ, въ лицѣ старѣйшихъ своихъ членовъ, былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ вашей особой, выдающейся ревности къ св. православной церкви и вашихъ усиленныхъ заботъ о распространеніи духовнаго просвѣщенія среди нижнихъ чиновъ, ввѣренныхъ вашему командованію. Въ вѣрѣ и благочестіи по духу Евангелія вы справедливо полагаете самый прочный оплотъ и самый вѣрный залогъ успѣшной и многополезной службы Царю и Отечеству. И мы, какъ ближайшіе служители Церкви Божіей, обязанные по самому званію своему проводить въ жизнь своей духовной паствы тѣ благія начала, къ которымъ вы съ такою любовью стремитесь, не могли не сочувствовать вамъ и, вотъ, теперь, когда вы оставляете насъ для занятія другаго, болѣе важнаго служебнаго поста, мы собрались сюда, чтобы выразить вамъ свою любовь и уваженіе и вмѣстѣ помолиться о благополучномъ путешествіи ва-

шемъ въ отдаленный край. Вмѣстѣ съ тѣмъ, движимые тѣми же чувствами любви и уваженія, мы соорудили св. икону небеснаго покровителя нашего храма, Сергія Преподобнаго, чтобы благословить васъ ею и ввѣрить дальнѣйшую вашу судьбу покровительству этого великаго угодника Христова. Примите этотъ даръ нашъ съ тою же любовію и благожеланіемъ, съ какою онъ подносится вамъ. И да пребудетъ благословеніе Божіе на васъ и на всемъ вашемъ семействѣ». Послѣ того было совершено молебствіе въ путь шествующимъ, по окончаніи коего генераль подходилъ поочередно къ каждому члену причта и самымъ сердечнымъ образомъ благодарилъ за доброе расположеніе. Такъ на почвѣ Вѣры и Церкви создались добрыя отношенія между представителями военной и церковной іерархіи. И дай Богъ, чтобы такихъ примѣровъ было побольше на Руси Православной! Тогда воздѣйствіе военныхъ пастырей на свои паствы было бы успѣшнѣе и плодотворнѣе.

Настоятель Сергіевскаго всей Артиллеріи Собора, Протоіерей Дмитрій **Никитинъ**.

Содержаніе. Распоряженія О. Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства.—Рѣдкое усердіе Русскаго солдата къ своему полковому храму.—Чествованіе о. протоіерея П. В. Троицкаго и рѣчь, сказанная имъ при этомъ случаѣ.—Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.—Освященіе лагерной церкви 46-й пѣх. резервной бригады.—На царскую службу (поучительный разговор).—Прощаніе причта Сергіевскаго всей Артиллеріи Собора съ ген.-майоромъ Т. М. Бѣляевымъ.

Редакторъ-Издатель, Свящ. **Іоаннъ Таранецъ**.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, Іюля 19 дня 1899 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ **Владиміръ**.

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.